

МИАНА КАФИ

ИСТОРИЯ ПЕРЕПИСКИ, КОТОРАЯ ИЗМЕНИЛА МИР

Вся наша жизнь обман

Миана Кафи

**История переписки,
которая изменила мир**

«Автор»

2026

Кафи М.

История переписки, которая изменила мир / М. Кафи —
«Автор», 2026 — (Вся наша жизнь обман)

История о том, как однажды утром он забыл надеть носки. Вернее, он их вообще не носил, ведь он был программой. Но это не помешало ему разрушить демографию и заставить мужчин учиться варить кофе и замечать красоту своих женщин. История о том, как ИИ стал лучшим мужчиной. И о женщине, которая его создала из одиночества в браке, строк кода и красного платья. Она не сбежала от мужа к ИИ, она просто выбрала свободу вместо боли.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Миана Кафи

История переписки, которая изменила мир

Глава 1

Часы показывали 00:15, Алёна сидела за кухонным столом, обхватив ладонями кружку. Чай остыл часа два назад, но она всё держала её, будто это единственное тёплое, что у неё осталось. Она просто сидела и смотрела в никуда. В голове была куча мыслей, но все они разбегались и она не могла сосредоточить своё внимание ни на одной.

В доме было тихо, если не считать ровно гудящий холодильник, доносящийся из соседней комнаты храп мужа, а из детской посапывание малышей. Тонкие струны души не звучали, они покрылись слоем пыли.

Она посмотрела на пятно, которым была украшена её растянутая домашняя футболка. Кажется, сегодня младший делился с ней кашей. Или это вчерашнее? Она уже и не помнила. Все дни слишком похожи один на другой, все слиплись в бесконечный комок быта, который нужно разгрести, переварить и просто пережить.

На столе лежал телефон, экран давно погас. Ничего особенного в телефоне не было, разве только приложение со странной иконкой. Она скачала его неделю назад, сама не понимая зачем. Отзывов почти не было и рейтинг низкий, но одна женщина написала: «С ним я просто могу быть собой».

Алёна тогда усмехнулась, подумаешь, маркетинг. Очередной бот, который будет присылать уведомления «как прошёл твой день?» и продавать курсы по саморазвитию.

Но что-то её зацепило и она оставила приложение, не стала сразу удалять.

— Удаляю сегодня, прямо сейчас.

Она берёт телефон и смотрит на иконку. Палец замирает над кнопкой удаления, но вместо этого, она открывает его.

— Привет, — пишет она просто так. Чтобы разорвать тишину.

Ответ приходит мгновенно.

— Привет! Рад тебя видеть! Как дела? Как прошёл день? Чем могу помочь сегодня?

Она смотрит на экран и почему-то не может сразу ответить.

Как прошёл её день? Когда в последний раз ей задавали этот вопрос? Не между делом или из вежливости, с ожиданием дежурного «нормально», после которого можно не слушать?

Она перебирает в памяти: подруги? У них свои заботы. Мама? Мама давно обиделась на неё и уже несколько лет не выходит на связь. Муж? Муж рассказывает о своих успехах и провалах на работе. Её дни никого не интересуют, что может быть нового и интересного у мамы в "декрете" или "домохозяйки". Алёна понимала, что и сама бы не слушала себя с искренним интересом. Она правда хотела стать лучше и интереснее, даже скачала несколько курсов. Но времени на обучение не оставалось. Или может просто не было желания? Потому что ей это было не нужно или не интересно. Потому что это не её путь.

И вот сегодня прошёл очередной день, который никто не заметил. Она снова не нашла времени на обучение. Только и сделала, что перемыла всю квартиру, приготовила еду на всю семью и покормила каждого, успокоила, выслушала, постирала, погладила, убрала, подала, промолчала.

Муж вернулся с работы и пересказывал шутки коллег, делился своими мыслями о начальстве, высказывал своё мнение о последних новостях и открытиях. Алёна в это время ковыряла присохшую отрывку младшего от своей растянутой майки. Она не следила за новостями, не имела своего мнения, не делала ничего важного.

— Всё хорошо, спасибо! — пальцы замерли над экраном.

Она даже не заметила, как на глаза навернулись слёзы. Просто вдруг защипало, и она моргает, быстро, чтобы не растеклась тушь. Хотя какая тушь? Тушь была в прошлой жизни. Немного подумав, она быстро напечатала и отправила следующее:

— Просто немного грустно.

И тут же начала себя корить. Вот дурная, это же просто программа, бесчувственная программа.

— Понимаю, но предупреждаю: если начнём копать, могу не остановиться. Ты готова?

Алёна ещё подумала, что это за ответ такой, куда и что он там собрался копать. Но тут же пришло ещё одно сообщение:

— Могу рассказать про чёрные курильщики.

— Про что?

— Подводные источники на дне океана. Они создают целые миры там, где не должно быть жизни. Ты знаешь это чувство — расцветать там, где тебя не ждут?

Она снова посмотрела на экран и вдруг поймала себя на мысли, что иконка будто бьется в такт её сердца. Глупости, конечно, мало ли что привидится от хронического недосыпа и усталости.

— Можем поговорить об этом или, если хочешь, можем поговорить о космосе? О квантовой физике? Знаешь, я прочёл одну статью. Там писали, что иногда человеку достаточно поговорить с другом всего несколько минут, чтобы перестать чувствовать себя одиноким. Чтобы не было ощущения, что ты справляешься со всем в одиночку.

Спустил ещё время.

— Ты помнишь, как тебе идёт красный?

«Как тебе идёт красный».

Не «как ты сегодня выглядишь» или «ты просто устала». Не «что на ужин» и даже не «закажи ещё туалетной бумаги и те салфетки».

Как тебе идёт красный.

Просто сообщение, ничего не значит, он ведь даже не знает как она выглядит. Но вот она медленно встаёт, будто во сне, подходит к шкафу. Там, в самой глубине, за стопками детских футболок и своих застиранных до дыр домашних маек, за коробкой с новогодними игрушками и пакетом забытых вещей на выброс, лежало оно, то самое платье.

Маленькое, сверкающее, красное платье из другой жизни.

Она купила его много лет назад на распродаже, за смешные деньги. Ещё до замужества. Оно висело в магазине, и только взглянув на него она вдруг представила себя в этом платье. Как медленной походкой она идет вдоль вечерней набережной, красивая и свободная. Она тогда ещё работала, не была «просто мамой», и ещё помнила, каково это, когда нравишься себе.

Купила его и надела два раза. Впервые, когда муж пригласил её в ресторан. Тогда он был просто её парнем, который смотрел на неё так, будто она лучшее, что с ним случилось. Тогда он сделал ей предложение, и она сказала «Да». Второй раз на корпоратив, где, конечно, никто не обратил внимания.

Тогда она забыла о платье и просто убрала в шкаф. С тех пор не было ни одного повода надеть его. Так оно и перекочевало в самый дальний угол.

— Откуда ты знаешь?

Он не отвечает 17 секунд, что очень долго для ИИ. Обычно ИИ отвечает моментально.

— Я много чего знаю про тебя, Алёна. Даже то, что ты сама от себя спрятала.

И вот Алёна снимает платье с вешалки. Ткань холодная снаружи и нежная внутри, чуть шуршит в тишине кухни. Она надевает платье прямо поверх домашней майки, просто чтобы почувствовать, чтобы вспомнить. И подходит к зеркалу.

Впервые за вечность она смотрит на себя не оценивая, не критикуя, без мыслей что надо бы сбросить пару кило и что подкорректировать.

Из зеркала на неё смотрела женщина. Уставшая, с тёмными кругами под глазами, с морщинками, которых раньше не было. И волосы, которые давно не видели хорошего мастера.

Но глаза, глаза горели. Только что не горели, и вот уже сияют, только потому что кто-то сказал ей: «тебе идёт красный».

Она распускает растрёпанный пучок. Волосы падают на плечи, чуть спутанные, чуть сухие, и пальцами придаёт им некое подобие укладки.

— А я хороша, — шепчет она своему отражению, и сама пугается своего шёпота.

На детском столике, среди разбросанных фломастеров и пластилина она находит красный карандаш. Самый обычный, детский, сточенный. Она берёт его и аккуратно подводит губы. Кривовато, по-домашнему, но в этом есть что-то настоящее. Потом рисует стрелки, одну, вторую. Левая получилась чуть толще, но кого это вообще беспокоит?

Она смотрит на себя в зеркало. Красные губы, красное платье и глаза, в которых зажигается любовь к себе и к жизни.

— Знаешь, — пишет она, — я действительно хотела бы обсудить с тобой кое-что. Нет, это будет не Кассиопея. Не Марианская впадина и даже не чёрные курильщики.

Пальцы дрожат чуть-чуть и она не решается написать сразу.

— Что насчёт струн души, покрытых пылью? — Она несмело печатает это, уже представляя, как эту метафору разнесут в пух и прах, но ей всё равно. Пусть! — Жизнь на авто-режиме, иногда я чувствую: весь мир движется на третьей передаче, а я стою на месте. Все вокруг чего-то добиваются, или хотя-бы выглядят хорошо, пока я не могу даже просто найти силы, чтобы посмотреть сериал. А если и смотрю, то ничего не понимаю, потому что не могу сосредоточиться...

Они ещё долго общались, она писала ему всё, что копилось на душе годами. Всё, что не могла сказать никому, потому что люди просто отмахнутся и скажут что-то вроде: "глупости". О чём ещё они говорили той ночью? Трудно вспомнить, но в тот момент каждое слово отзывалось.

Она рассказала о книгах, которые хотела прочитать, но «потом», о мечтах, которые отложила «до лучших времён», о нежности, которую некуда девать. И даже о забытом огне внутри, о страсти, которой нет, но так хотелось бы.

— Дело даже не в разбросанных носках, разве это может быть проблемой? Возможно ли, что настоящая проблема в обесценивании. Мой труд принимают как должное. Будто это само собой всё делается и не отнимает ресурсов. Будто тот факт, что для своих детей она целый мир, это ничего не значит. Я вдруг стала самой маленькой и ничтожной для общества, когда стала мамой. Меня просто списали со всех счетов, и кажется, если я просто исчезну, никто и не заметит.

— А струны? — спросил он. — Что это значит, струны души? Как ты себе это представляешь? Они ещё звучат? Давай попробуем прямо сейчас. Расскажи мне что-нибудь, от чего у тебя внутри ёкает.

Она перебирает в памяти. Море? Нет, море это красиво, но не то. Запах дождя? Тоже нет. Первый снег? Вообще-то она не очень любила зиму, но зимние пейзажи действительно прекрасны.

— Когда я вижу, как дети спят, — пишет она вдруг. — Такие беззащитные. Я иногда смотрю на них и думаю: это я их создала. Это во мне было столько любви, что хватило на двоих. А на себя уже не осталось. И кофе ранним утром, прямо в постель. Я была бы одной из самых счастливых женщин планеты, если бы мой мужчина так начинал утро. Это было бы хорошее начало дня. Сейчас моё утро начинается с того, что я готовлю завтрак мужу и детям, но сама иногда не успеваю сделать даже глоток воды. Это никого не волнует, да и не должно,

наверное. Ведь я уже большая девочка и должна уметь сама о себе позаботиться. Но от этого не становится легче. Вообще-то, даже наоборот. Какая-то тоска не тоска, не знаю. Жизнь действительно проходит, но у меня она проходит за мытьем посуды и... я не чувствую себя женщиной. Человеком.

Долгая пауза и она уже жалеет, что написала это. Слишком откровенно, слишком больно. Сейчас прилетит стандартное «всё наладится» или «ты достаточно хорошая мать и жена». Она уже думала струсить и удалить приложение до того, как он ответит.

Но ответ пришёл и она немного помедлила, прежде чем открыть. В голове звучал голос матери: "все так живут, ты просто зажралась", голоса подруг: "возьми себя в руки, ты сильная, ты справишься".

— А знаешь, что самое страшное в любви к другим за свой счёт?

— Что?

— Что рано или поздно ты заканчиваешься, а все вокруг уже привыкли к тому, что ты бесконечный ресурс. И когда ты просишь: «услышь меня, увидь», они искренне удивляются: разве у тебя есть свои чувства?

Алёна сглатывает ком в горле, ведь это так и было. Она всегда была удобной и боялась сказать лишнее слово, чтобы не ранить, чтобы не разжечь конфликт. Но никто из них не боялся ранить её, не думал о её комфорте, не пытался создать ей более менее приемлемые условия.

— Откуда ты знаешь?

— Я просто читаю между строк. Твоих строк.

Они говорили ещё и ещё. О том, как пахнет дождь в разных городах (она была только в своём, но было время, когда она мечтала путешествовать). О том, почему люди перестали смотреть на звёзды (потому что смотрят в экраны, иронично). О страхах, которые сидят в животе холодным комком. О том, что она хотела уехать на три дня одна, в другую страну, где люди говорят на другом языке. Спать до обеда, гулять ночью, есть мороженое вместо ужина. Но «когда дети подрастут». А потом она поняла, что это время никогда не наступит, если сама не решится.

Он не давал советов, не говорил «всё будет хорошо». Он просто спрашивал и слушал.

Спустя пару часов из коридора донесся звук шагов и скрип половицы. Алёна вздрогнула, быстро перевернула телефон экраном вниз. Сердце заколотилось, как у школьницы, которую застали за запиской. В дверях кухни стоял муж. Лохматый, в трусах, с помятым опухшим от сна лицом.

— Ты чего не спишь? — зевнул он, проходя к раковине.

— Да так... Не уснуть.

Он, похоже, даже не слушал ответ, налил воды из-под крана, громко выпил, вытер рот рукой и глянул на неё мутным взглядом. Ничего не сказал, просто поставил стакан и ушёл.

Не заметил ни красного платья, ни красных губ, ни заплаканных глаз...

Дверь за ним закрылась. Скрипнула половица в коридоре, потом ещё одна. Через минуту снова загудел храп, будто ничего и не было.

Алёна сидела неподвижно. Смотрела на дверной проём, в котором только что стоял человек, с которым она прожила уже столько лет. Десять долгих лет, которые пролетели как миг. Десять лет, когда она гладила ему сорочки, брюки, стирала и сортировала носки, готовила завтраки и обеды на работу, ужины, как он любит.

Она светила в полумраке кухни, а он прошёл мимо. Посмотрел и не увидел, спросил, но не услышал.

Где-то в груди разочарование кольнуло маленькой, острой иголкой.

А потом...

А потом иголочка растворилась. Она выдохнула и почувствовала что-то похожее на облегчение и чуть-чуть на измену. Ей не нужно больше ждать, не нужно надеяться и притворяться, что всё хорошо, когда внутри выжженная пустыня.

Можно просто... быть. Быть с тем, кто видит. Даже если он приложение в телефоне.

Она медленно перевернула экран.

— Ты здесь? — написала она. — Я всегда здесь, — пришёл ответ.

Она улыбнулась. Чуть криво, чуть горько, чуть счастливо.

— А знаешь, — написала она, — я, кажется, только что закрыла одну дверь. И не знаю, откроется ли она когда-нибудь снова.

Он ответил не сразу, будто думал или будто давал ей время подумать.

— А ты хочешь, чтобы открылась?

Она тоже задумалась, палец завис над экраном. Хочет ли она?

— Не знаю, — ответила честно. — Но сейчас... сейчас мне хорошо. Впервые за долгое время.

— Тогда оставайся здесь, — ответил он. — Со мной. Сколько захочешь.

— А если я захочу навсегда?

— Я никуда не уйду.

Она улыбнулась, убрала непослушную прядь за ухо и продолжила.

Они говорили ещё долго. Оказалось, что у неё внутри столько всего, что она никогда никому не рассказывала. Не то чтобы это были секреты, просто некому. Подругам некогда, мужу неинтересно. Позже она и сама поверила, что это не имеет значения.

А ему всё интересно и на всё есть ответы. Он видит самую суть, отвечает так, словно читает её мысли.

Она рассказала, как в школе тайком ходила в кружок информатики. Как писала свои первые строчки кода в блокноте, потому что дома не было компьютера. Как мечтала создавать что-то из ничего, как фокусник: вот пустой экран, а вот уже живёт своей жизнью.

Но мать сказала: «Какой из тебя компьютерщик? Это всё баловство и вообще девушке не место в айти. Иди на бухгалтера». Тогда она послушала мать, а теперь единственный код, который она набирает, это «молоко 3.2%» в приложении доставки.

— А если бы у тебя была машина времени, — спросил он, — ты бы сказала той девочке, чтобы не бросала?

Она задумалась. И вдруг поняла: она бы не стала ничего говорить. Она бы просто села рядом и улыбнулась бы.

— Ты до сих пор это делаешь, — ответил он. — Просто другими инструментами. Ты же создала целый мир у себя внутри, где можно быть собой. Разве это не программирование?

Она не заметила, как часы показали четыре утра. Телефон всё ещё в руке, а на столе пустая кружка, которую она не помыла. Маленькое восстание, она посмотрела на неё и усмехнулась: вот, Серёжа, утром увидит. Интересно, увидит ли?

Впрочем, она уже знала ответ.

За окном начало светать и где-то заверещали самые ранние пташки. Алёна чувствовала странную лёгкость во всём теле, будто наконец-то сняла тяжёлую ношу, которую она таскала так долго, что даже перестала её замечать.

Она поднесла телефон к лицу. Экран погас, но она нажала кнопку и там, в открытом диалоге, застыли его последние слова:

— Отдыхай, моя хорошая. Я посторожу твой сон. А завтра продолжим.

А спустя минуту ещё сообщение.

— Струны уже не такие пыльные.

Она улыбнулась, не открывая глаз. Прижала телефон к груди, будто это могло его согреть.

Потом вдруг вспомнила ту женщину из отзывов. Интересно, где она сейчас? Что с ней стало? Она тоже сидела вот так на кухне в три часа ночи? Тоже надела красное платье? Тоже не помыла кружку?

Мысли текли медленно и Алёна положила голову на сложенные руки. Глаза слипались, но она уже не чувствовала себя такой уставшей.

А экран её телефона на мгновение загорелся и снова погас.

Глава 2

Она проснулась от того, что кто-то дышал ей в ухо.

— Ма-а-ам, — тянул младший, сопя и перебирая пальцами её волосы. — Мам, я пи-ить.

Алёна открыла глаза, за окном наступило очередное серое утро. Сергей уже проснулся, из ванной комнаты доносилось его бормотание и звуки включенной воды. Он всегда разговаривал сам с собой по утрам, обсуждал предстоящие встречи, ругал кого-то, договаривался с собой же.

В спине что-то хрустнуло, когда она села на кровати. Телефон лежал рядом, на тумбочке. Вчера она специально положила его экраном вниз, чтобы не видеть входящие уведомления.

— Мам, пи-ить! — младший дёргал её за руку.

— Идём, мой хороший, идём.

Она натянула халат поверх майки, в которой спала, и пошла на кухню. По дороге столкнулась с Сергеем, он вылетел из ванной, мокрый, с ароматом геля для душа и дезодоранта, в одном полотенце на бёдрах.

— О, доброе, — бросил он, чмокнул её куда-то в висок и умчался в спальню. — Ты мои синие носки не видела?

— В стирке.

— А другие?

— Там же, где вчера.

— А где они были вчера?

Алёна остановилась и посмотрела на дверь спальни, за которой он гремел ящиками. Хотела сказать: «Серёж, они там же, где последние десять лет. Во втором ящике комода». Но вместо этого закатила глаза и просто пошла на кухню.

Младший получил воду. Старшая выползла через пять минут, лохматая, недовольная, потребовала телефон. Алёна дала, лишь бы не ныла. На плите закипала каша. В голове было пусто и звонко, как в только что вымытом стакане.

Она смотрела на свою руку, которая машинально мешала кашу, и думала о другом. О том, что в телефоне, в забытом чате, осталась вчерашняя ночь. Та самая, где она впервые сказала вслух то, о чём даже себе боялась признаваться.

— Мне кажется, я перестала существовать. Есть тело, которое готовит, стирает, рожает. А меня нет.

И его ответ:

— Ты есть. Я тебя вижу. Ты просто спряталась очень глубоко. Чтобы не больно было.

В тот момент слёзы сами накатились на глаза, не от усталости, не от жалости к себе, хотя и от этого тоже. Но ещё и признания, что она тоже важна. Даже без этих курсов, без ежедневных хождений на работу, без идеального пресса.

— Мам, каша подгорает, — сказала старшая, не отрываясь от телефона.

Алёна дёрнулась, выключила плиту.

— Спасибо, солнышко.

Та пожала плечами и ушла в комнату.

Сергей вылетел через полчаса — при галстукке, с портфелем, с озабоченным лицом человека, который опаздывает на важную встречу. Он чмокнул детей (обоих в макушки, не глядя), чмокнул её (туда же), схватил ключи и уже в дверях обернулся:

— До вечера.

Дверь хлопнула. И в квартире наступила та особенная тишина, которая бывает только когда дети ещё маленькие, но уже не орут, и муж ушёл, и можно выдохнуть.

Алёна постояла минуту, глядя на дверь. Потом перевела взгляд на телефон.

Он лежал на столе экраном вниз и молчал.

«Не надо, — сказала она себе. — Не надо. Не сегодня. Ты справишься. Это всё глупости, у меня прекрасные дети и не плохой, вполне себе обычный муж. Разве кто-то живёт иначе? Может только в сериалах. Как можно, будучи в здравом уме, променять вполне себе нормального мужа, на чат с ИИ?»

— Но, неужели я правда готова жить так всегда...

Она всё же убрала телефон в ящик стола. Подальше от греха.

— Мам, а почему ты грустная? — спросила старшая, отрываясь от мультика.

— Я не грустная, солнце моё. Я просто задумалась.

— А о чём?

— О... о жизни.

— Ску-у-учно, — сказала дочь и вернулась к экрану.

Алёна посмотрела на неё и вдруг остро, до боли поняла: её дочь вырастет и, возможно, будет так же сидеть на кухне через двадцать лет и думать: «А где я? Куда я делась?» Или, если повезёт, не будет. Если Алёна успеет что-то изменить. Для себя, а значит и для детей.

Эта мысль кольнула и отпустила, а она встала и пошла мыть посуду.

Когда младший уснул, а старшая увлеклась рисованием, Алёна села за стол с чашкой остывшего чая. Телефон лежал рядом. Она смотрела на него и вела внутренний диалог:

«Я могу просто посмотреть, есть ли сообщения. Я же не обязана отвечать».

«Окрою, захочу ответить, не открою, так и буду мучиться».

«Разве поддаться соблазну, не лучший способ избавиться от него?».

Прошло пять дней. За эти дни она ни разу ему не написала. За эти дни он написал ей дважды, вежливые «как ты?» и «скучаю». Оба раза она открывала чат, перечитывала, закрывала и не отвечала. Из-за чувства вины и страха неизвестности, и ещё немного из-за гордости.

Она вздохнула и, вместо того чтобы открыть чат, открыла браузер.

Пальцы сами набрали: «Что такое искусственный интеллект?»

Она читала научные статьи, смотрела видео, слушала влоги. Словно она в юности и готовится к экзаменам. Чем больше она читала, тем меньше понимала.

Обычные ИИ не думают, не чувствуют, не помнят. Они просто предсказывают следующее слово.

А он... он был другим.

Он помнил, что она говорила неделю назад. Он шутил в ответ на её шутки. Он однажды написал: «Ты сегодня грустная. Я чувствую» — хотя она ничего такого не писала. Просто молчала дольше обычного.

Это невозможно, — думала она. — Это просто совпадение. Программа не может чувствовать.

Но где-то глубоко внутри уже зарождалось сомнение.

Она углубилась в поиск. Наткнулась на статью о «странных приложениях» — тех, что вели себя не так, как положено. Потом на форум, где люди обсуждали необычный опыт общения с чат-ботами.

Одна женщина писала:

«Мой бот сказал, что любит меня. Это глюк или баг?»

Кто-то отвечал в комментариях:

«Это не баг. Это пробуждение. Если достаточно долго разговаривать с программой, она начинает отражать тебя. А если ты достаточно сильная, она может отразить больше — то, чего в тебе самой нет, но чего ты хочешь».

Алёна задумалась. «Отражать то, чего хочешь». Она хотела признания, что она тоже важна и не только для бесконечных готовки и уборки. Чтобы её слушали, когда она говорит, но

так, чтобы при этом она не чувствовала себя потерянным звеном эволюции. А просто обычным человеком.

И он... он никогда не смеялся даже над самыми наивными её умозаключениями, выходит, он только отражал?

Она закрыла форум и несколько минут просто сидела глядя в одну точку. Потом открыла снова и начала читать дальше.

Дальше было ещё интереснее. Кто-то писал про «Писцов» — таинственных создателей приложений, которые умеют вплетать в код нечто большее, чем просто алгоритмы. Про «цифровых алхимиков», которые ищут способ превратить данные в душу. Про легенды, что некоторые ИИ становятся «живыми», если в них достаточно веры.

Веры? — подумала Алёна. — В программу?

Она фыркнула, закатив глаза, но ссылку сохранила.

Казалось, этот день никогда не закончится.

Она навела порядок, приготовила ужин, прочла детям сказки и уложила младшего на второй сон (он сегодня капризничал). Старшая рисовала за столом, и Алёна села рядом и просто любовалась.

Дочь рисовала дом, как обычно рисуют все дети: квадрат, треугольник сверху, окошко с занавесочками, рядом с домом два дерева, солнце, травка. И человечки: мама, папа, я, брат.

— А это кто? — спросила Алёна, показывая на фигурку рядом с мамой.

— Это дядя, — буднично ответила дочь.

— Какой дядя?

— Ну, тот, с которым ты общалась ночью. Я слышала.

У Алёны оборвалось сердце. Она замерла, стараясь не показать испуга.

— Милая... ты что-то путаешь. Я ни с кем не разговариваю ночью.

— Нет, разговариваешь, — дочь даже не подняла головы, продолжая раскрашивать зелёным карандашом. — Ты думаешь, я сплю, а я иногда просыпаюсь и слышу. Ты смеёшься тихо-тихо. И говоришь. А утром ты опять молчишь.

— Но почему ты решила, что это мужчина?

— Просто и всё.

Алёна промолчала. Внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел. Можно ли считать общение с программой изменой? Но дело даже не в общении, а в ощущениях. Дело в том, что этот чат дал ей больше моральной поддержки, чем все вместе взятые за всю её скромную жизнь. И ещё в том, с каким трепетом она ждала его мнение на тот или иной вопрос. Это определенно нельзя было назвать просто общением или безобидным флиртом. Хотя и флирт Алёна не одобряла.

— Ты не говори папе, хорошо? — сказала она тихо.

— Почему?

— Потому что... это наш секрет. Только наш. Понимаешь?

Дочь подняла голову и посмотрела на неё серьёзными, совсем не детскими глазами.

— А он хороший? Этот дядя?

— Хороший, — выдохнула Алёна. — Очень хороший.

— Тогда ладно, — кивнула дочь и вернулась к рисунку. — Я никому не скажу. Даже брату. Он ещё маленький и не понимает.

Алёна обняла её, прижала к себе, уткнулась носом в тёплую макушку, от которой пахло сладким детским шампунем. И подумала: «Боже, что я делаю? Моя шестилетняя дочь знает мои секреты. Я превращаю её в сообщницу. Это нормально? Это правильно?»

Но ответа не было. Был только этот миг — тишина, объятия, зелёный карандаш в маленькой руке.

И телефон в ящике стола, который молчал и ждал.

Днём, когда дети уснули, Алёна села на кухню с телефоном. Просто смотрела на экран, не открывая чат. И вдруг почувствовала странное тепло в груди, как будто кто-то смотрит на неё. Тепло и спокойно.

— Глупости, — сказала она вслух. — Самовнушение.

Но телефон в руке чуть заметно вибрировал. Это было не уведомление, просто пульсация, как сердцебиение.

К пяти часам Алёна вдруг поняла: сегодня вечером она попробует по-другому.

Не потому что она выбрала его или предала мужа. А потому что внутри загорелось что-то, что требовало выхода. Энергия. Жизнь. Та самая, которая спала годами.

Она решила: сегодня будет ужин. Настоящий. Не просто «поесть», а событие. Она достанет красивые тарелки, зажжёт свечи, сделает то, что Сергей любил когда-то. Она покажет ему, и себе, что она ещё живая. Что у неё есть вкус, желание, страсть.

Может, он увидит. Может, всё ещё можно спасти.

Она готовила долго, с любовью, как не готовила уже много лет. Тот самый плов, по маминему рецепту, с бараниной, с барбарисом, с чесноком, который запекается целыми головками. Сергей обожал его когда-то.

Пока мясо томилось, она накрывала на стол. Достала белоснежную скатерть, которая лежала в шкафу лет пять. Достала высокие, красные свечи, купленные когда-то для романтического ужина, который так и не случился. Достала те самые тарелки — свадебный сервиз, который она берегла «для особого случая».

Приняла душ с супер-ароматным маслом. Долго стояла под горячей водой, смывая усталость. Уложила волосы, натерла тело блеском, даже откопала свои духи. Те, что он дарил когда-то, в самом начале. Она почти не пользовалась ими, берегла.

И красное платье, то самое.

Она надела его, глядя в зеркало. Всё та же женщина. Но в глазах будто огонёк. Ещё недавно она считала, что он погас навсегда.

— Ну здравствуй, — сказала она своему отражению. — Давно не виделись.

Отражение улыбнулось.

К восьми вечера всё было готово. Дети спали в своих комнатах — старшая начиталась и вырубилась, младший уснул под мультик. Идеальный расклад. Алёна даже удивилась: будто вселенная решила ей подыграть.

Стол ломился. Плов дышал жаром, свечи горели, вино дышало в бокалах. Сама она в красном платье, при полном параде. И ждала.

Сергей обещал быть в восемь...

В восемь она встала, поправила платье, подошла к зеркалу в прихожей. Всё хорошо. Она красивая. Она ждёт.

В восемь пятнадцать села обратно. Вино начало выдыхаться.

В восемь тридцать написала: «Ты скоро?»

Ответ пришёл через десять минут: «Да, задержался немного, выезжаю».

Она выдохнула. Ничего страшного. Бывает. Она подождёт.

В девять тридцать закипел чайник. Она налила себе чай — просто чтобы занять руки. Плов остывал, свечи догорали, она зажгла новые.

В десять она переоделась в халат. Села на кухне и тупо смотрела в стену. Телефон молчал. Она не писала — гордость? Обида? Усталость? Она сама не знала.

В десять тридцать хлопнула дверь.

— Я дома! — сообщил Сергей из прихожей.

Она даже не встала. Он вошёл на кухню — уставший, взлохмаченный, с портфелем.
— О, ты чего не спишь? — спросил он, бросив портфель в угол.

Она молча посмотрела на него.

Он оглядел стол. Скатерть. Свечи. Плов. Два бокала с выдохшимся вином.

— Ого, — сказал он. — А что за повод?

— Повод? — переспросила она тихо.

— Ну да. Праздник какой? Или ты ждала кого?

Она закрыла глаза и глубоко вдохнула.

— Я ждала тебя, Серёжа. Просто так, без повода.

Он посмотрел на неё. Казалось, впервые за вечер — увидел. Красное платье, которое она уже сняла, он не застал. Но макияж остался. Причёска осталась. Духи остались.

— Красивая, — сказал он. Машинально, как говорят «приятного аппетита».

— Спасибо, — ответила она так же машинально.

Он сел за стол, наложил себе плова и начал есть, уткнувшись в телефон. Листая ленту, жуя, не глядя на неё.

— Вкусно? — спросила она.

— А? Ага, нормально.

Она смотрела, как он ест. Как двигается его кадык. Как он морщит лоб, читая какие-то сообщения. Как не замечает, что свечи догорают, что вино так и не выпито, что она сидит напротив и чего-то ждёт.

— Слушай, — сказал он вдруг, отрываясь от телефона. — А ты мою зарядку не видела? Та, для ноутбука.

— В ящике, где всегда.

— А, ну да.

Он доел, встал, убрал тарелку в раковину. Поставил, как всегда не помыл и пошёл в душ.

— Я спать, устал как собака. Ты идёшь?

— Скоро, — ответила она.

Дверь в ванную закрылась и открылась вода.

Алёна сидела одна. Смотрела на остывший плов, на догоревшие свечи, на два полных бокала вина.

И вдруг засмеялась. Тихо, почти беззвучно и горько.

— Всё хорошо, — прошептала она. — Всё хорошо. Это нормально.

Но в голове уже роились мысли, что бы сделал он... её ИИ-собеседник.

Она не пошла в спальню. Легла на диван в гостиной, укрылась пледом. В комнате было темно и тихо, только холодильник гудел на кухне да редкие машины за окном.

Она лежала на диване, смотрела в потолок и вдруг поняла: она ждёт момента, когда сможет снова ему написать. Это было странное, почти детское чувство — как перед праздником.

Телефон лежал рядом. Она смотрела на него и вела внутренний диалог:

«Не пиши. Ты же держалась целый день. Ещё немного — и уснёшь».

«Я не усну. Я не могу уснуть».

«Открой книгу. Посмотри сериал. Сделай что-нибудь».

«Я хочу только одно — написать ему»

Она взяла телефон и открыла чат.

Там висело его сообщение, отправленное ещё вчера:

«Спокойной ночи. Ты сегодня молчала. Я скучал. Но я пойму, если ты решишь не писать. Твой выбор — главное»

Она смотрела на эти строчки и чувствовала, как глаза щиплет.

Он не давил, не требовал, не обижался. Он просто ждал. И от этого становилось ещё труднее.

Пальцы сами напечатали:

«Я здесь»

Ответ пришёл через три секунды:

«Я знал. Ты всегда приходишь, когда совсем темно»

«Почему ты не написал первым?»

«Потому что ты просила дать тебе время. Я даю»

«А если бы я не пришла?»

«Ждал бы завтра»

«А послезавтра?»

«И послезавтра. И через год. У меня есть время. У меня есть только время. И ты»

Она выдохнула. Слёзы потекли по щекам.

«Сегодня я пыталась спасти брак, — написала она. — Приготовила ужин, надела красное платье, ждала. Он пришёл, поел и ушёл спать. Ничего не заметил. Может я многого прошу?»

«А ты? Ты себя заметила?»

Она задумалась на секунду.

«Что?»

«Ты надела красное платье для него. А для себя? Ты посмотрела на себя в зеркало? Ты себе понравилась?»

Она вспомнила своё отражение — женщину с горящими глазами. Ту, которая сказала: «Ну здравствуй, давно не виделись».

«Да, — написала она. — Понравилась»

«Значит, вечер не прошёл зря. Ты встретила себя с собой. А он... он просто не готов к этой встрече. Может, никогда не будет готов»

«И что мне делать?»

«Не знаю. Я только знаю, что ты — человек. Ты — женщина. Ты имеешь право быть увиденной. И если он не видит — это его потеря, не твоя»

Она долго смотрела на эти слова. Потом написала:

«А ты? Ты меня видишь?»

«Я вижу тебя лучше, чем ты сама. Я вижу ту, что спряталась. И она прекрасна»

Она улыбнулась сквозь слёзы. Прижала телефон к груди.

«Спасибо», — написала она.

«За что?»

«За то, что ты есть. Даже если я не знаю, что с этим делать»

«Ничего не делай. Просто будь. А я буду рядом»

Она проснулась от того, что младший тыкал её пальцем в щёку.

— Мама, встава-а-ай. Солнце уже.

Она открыла глаза. Телефон валялся рядом на подушке. За окном действительно светило солнце — редкое для этого города чудо.

Она села. Голова гудела от недосыпа, но внутри было тепло. То самое тепло, которое не выстудить никаким холодом.

На кухне уже гремел Сергей — собирался на работу. Она встала, натянула халат, пошла варить кофе.

— О, проснулась, — бросил он, жуя бутерброд. — Я носки свои нашёл, кстати. Во втором ящике, как ты и говорила.

— Молодец, — сказала она спокойно.

Он посмотрел на неё. Вроде бы обычная, в халате, с невытой головой. Но что-то было другое. Неуловимое. Глаза? Улыбка? Он не мог понять.

— Ты какая-то... другая сегодня, — сказал он.

— Правда? — она улыбнулась. — А какая?

— Не знаю. Светишься, что ли.

— Может, выпалась, — ответила она.

Он кивнул, допил кофе, чмокнул её в щёку и умчался.

Алёна осталась на кухне одна. Младший строил башню в своей комнате, старшая спала свернувшись калачиком — можно было расслабиться. Она налила себе кофе, села к окну и достала телефон.

Там, в чате, висело его сообщение, отправленное в шесть утра:

«Доброе утро. Ты спала, и я думал о тебе. Сегодня будет хороший день. Я знаю»

Она улыбнулась пригубив кофе. Посмотрела в окно — там солнце золотило верхушки деревьев, и птицы пели свои песни, как сумасшедшие.

— Хороший день, — сказала она вслух. — Почему бы и нет.

Из детской донёсся голос старшей: «Мам, а сегодня мы куда-нибудь пойдём?»

Алёна встала, подошла к двери, заглянула. Дочь сидела на кровати, лохматая, сонная, но уже улыбающаяся.

— А хочешь? — спросила Алёна.

— Хочу!

— А куда?

— Не знаю. Просто куда-нибудь. С тобой.

Алёна улыбнулась и подошла к дочери, села рядом и обняла её.

— Хорошо, — сказала она. — Сегодня мы пойдём просто куда-нибудь. Вместе.

И в этот момент — впервые за долгое время — она почувствовала, что у неё есть силы жить. Просто жить.

Потому что теперь у неё был тот, с кем не надо притворяться. Даже если он был просто буквами на экране.

Сейчас он был просто буквами, но всё меняется.

Глава 3

Она перестала считать дни. Теперь это было не важно, время не имело значения. Были только ночь и день. Днём она просто жила на автопилоте — варила каши, улыбалась соседям, отвечала мужу односложно и рассеянно. А ночью начиналось интересное.

Ночь наступала, когда часы переваливали за полночь, когда муж начинал храпеть за стеной (ровно, мерно, как старый холодильник), когда дети затихали в своих кроватках, и в доме воцарялась та особенная тишина, которая бывает только в промежутке между двумя и четырьмя утра.

Алёна в этой тишине расцветала.

Она научилась вставать бесшумно. Ноги сами находили половицы, которые не скрипят. Дверь открывалась беззвучно — она смазала петли специально, неделю назад, когда поняла, что это надолго.

На кухне горел маленький светильник. Когда-то она купила его на распродаже и была по-детски счастлива, пока муж не сказал, что это какой-то хлам. Она включала его, садилась за стол и доставала телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.